

За орденами

Михаил Тибетти

18+

Михаил Тибетти

За орденами

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70299706
SelfPub; 2024*

Аннотация

Разведчик получает задание выкрасть дочку немецкого командующего и переправить через линию фронта. В дороге, сопряженной со всевозможными опасностями, между героями вспыхивает чувство.

Михаил Тибетти

За орденами

«Я никогда не гнался за орденами, ну был у меня один, берёг его, а чего? Разведка моя страсть. С детства! Мы же всегда знали, что с немцами будем воевать. Я всегда знал, поэтому немецкий лучше русского учил. Кстати, половина фени – немецкий в выверте. Вот бан тот же к примеру – вокзал значит, а по-немецки типа банхоф – тоже вокзал. Ладно, шучу. Но, конечно, не про войну с Германией.

Странно вообще вся эта война случилась. Главное наши летуны с фрицами с 39 года рубились над Испанией. Вся Европа горит, а мы чего с Гитлером в дёсны сосаться ждали? Разве не хрень? Полная хрень. Я вообще войну с 40 года ждал, но Гитлер чего-то в Африке затянул, поэтому к нам только в июне 41 пришёл, но он ведь педрила «блиц кригом» грезил.

А парадокс я вижу в том, что чем ближе Гитлер подходил к Москве, тем ближе мы подбирались к его горлу. Потом как вцепились, теперь до конца войны не отпустим.

Гитлер дураком не был, а вот Наполеона наверняка дураком считал. То есть, не без греха и Гитлер. Что ему Европы

было мало? А Африка? Мы не лезли в Африку. Вот и прекрасно себя бы там чувствовал Гитлер. А мы бы наверняка с японцами поделили Китай, Монголию и всю Азию. Вот так я вижу положение вещей.»

Надо отвлечься от большой политики и посмотреть, что там внизу. Не понимаю, как развернуться, конечно, я уже не раз пробовал. Бомбовый отсек, не бабанина перина. Долбит монотонный гул моторов, «бьёт по кумполу». Давит пулемёт. Ноги затекли, вообще не чувствую. Зачем мне в глубоком тылу пулемёт? Чтобы нас искали потом, как боевую единицу? Чтобы все знали, тут прыгнул десант? Что за дуроломы в штабе? Даже мне, который в школу ходил первых два класса, тут всё понятно.

Всего нас пятеро. Я всех вчера первый раз увидел, все спецы, я вроде, как за младшего, хоть и офицер, все здесь офицеры. Руку с часами вытащил. Ну вот, ещё минут пять лететь. Не знаю, кто собирал мой парашют, надеюсь человек хорошо знал своё дело. Я себе смерть, как только не представлял. Но чтобы меня ночью размазало где-то в поле. А сейчас не могу отвязаться от этой мысли. Наверное, я буду напоминать суп. А может не буду. Могу ведь я загреметь в печную трубу. Вот это будет номер. Я не помню мать свою, и отца своего никогда не видел. Никто в общем не станет по мне горевать, а это плюс. Разве что генерал...

А как уехал? Чудеса, да и только. Мы баню выпросили перед самой отправкой, нам как «смертникам» практически всё можно. Я со слепа дверь перепутал и в женскую зашёл. Ну не со слепа, просто похулиганить захотелось, да и вообще думал заперто. Толкнул, открыто. Она сидит нагая, на меня смотрит. Мне дурь в башку, одна сидит. А чего, хриплю, не заперто? А я ждала, что кто-нибудь войдёт. Повезло так повезло. Вот сука, «кто-нибудь». Но это сейчас меня полоснуло, а тогда. Блядь, как же неудобно лежать. Тогда я ошалел, она вся такая, как на картине. И что, можно? Как баран. А она: вам теперь всё можно. Только, говорит, дверь подопри, если нам компания не нужна. Вот так вот.

А потом люк открылся, меня чем-то приложило, и завертело. Ух и вертело, темень везде, крутит и крутит, а парашюта всё нет, и я уже думал просто «нет, нет, нет»... и он раскрылся, меня тряхнуло и сразу по лицу хлестнуло хвоей и ещё, и ещё. Треск, хруст, боль в боку. Я вишу вверх ногами, из бока торчит сук. Самолёта не слышно, вообще, кажется, нас никто не слышал. Откуда такое везение, не понятно. Город ведь должен быть совсем близко. Ну это я вот висел, сколько, минуту, две, вот это и были самые спокойные минуты, а потом началось.

Колонну я сначала не видел, просто фара, потом ещё, ещё.

Вот тут я забыл о том, что из бока торчит сук. Я висел в нескольких метрах от дороги. Почти долетев до неё, наверняка, если бы это произошло, я лежал бы сейчас на ней с переломанными ногами. Сук упорно не хотел выходить из бочины, кто-то из пятёрки открыл огонь по немцам и тогда я уже не сдерживался. Я заорал. Немцы усилили огонь. Сук остался в кулаке, два удара ножа и я на земле. Немцы всё ближе. Если я ударю из пулемёта, что произойдёт? Я вызову огонь на себя. Зачем мне такая глупая смерть? У меня есть задание.

Я должен выполнить его, иначе какой я разведчик? Я ми-нирую пулемёт, маскирую его, снимаю обувь и бегом, пре-возмогая боль в боку. Я точно помню, справа от дороги река, необходимый мне пансионат на берегу этой реки. Собаки! Бой угас за моей спиной. Все мертвы? Их травят собаками? У меня от собачек есть средство, и я щедро сыплю его себе на ступни, на пальцы, и в этот момент меня сносит майор.

Он один из нашей пятёрки, седой, страшный как смерть. Кричит майор одним взглядом, кричит на весь лес: мины! И мы замираем, а собаки всё ближе. Майор указывает мне пальцем, на столбики «achtung! mine». Ну и что теперь здесь ночевать? Сейчас собачки нас оставят без наследства. Май-ор говорит, что чаще всего используют шахматы, здесь бы он именно шахматную раскладку мин применил. Значит, если

он не ошибается, им нужно идти так. И он бежит майор, мимо столбика и зигзагом.

А я бегу и думаю, почему немцы не нашли до сих пор мой пулемёт, может собачек станет меньше. Вон уже видно реку и тут майор замирает. Я говорит её поймал, тут сетка меняется, опытный минёр был и не ленивый. Стою на ней левой ногой, сойду – смерть! Ломай ход, вон уже река. Я говорит их дождусь, так ты дальше успеешь уйти. Я хорошо пожить не успел, а ты поживи за нас двоих.

И тут собачки нашли мой пулемёт. Хорошо шарахнуло. Притихли собаки совсем. Молоток, говорит, майор, так бы мы точно ушли. Беги, ломай зигзаг. И я бегу, какой-то зигзаг, ещё один, а потом больше не выдерживают нервы и рву прямо к воде.

Мне, кажется, я не касаюсь земли совершенно, и ещё какое-то время бегу по воде. Я не слышу больше ни звука. Такое ощущение, что, нарвавшись на пулемёт, немцы отложили поиски до утра. Напугал их пулемёт, присутствие войсковой части? Может не дураки в штабе сидят и не зря меня всё-таки так нагрузили?

Я ждал майора до шести утра, или взрыва. Пансионат утопал в тёмной на рассвете листве, крали спали на одноярус-

ных кроватях. Между кроватями тумбочки, так же у каждой имелся стул. Я какое-то время рассматривал изогнутые спинки стульев. Как стулья подобрали, ненасмотришься. Может каждая из них привезла из дому свой собственный стул? Рядом с каждой кроватью лежал коврик и тапочки. На окнах висели кружевные занавески, над кроватями девушек висели картины, нарисованные самими девушками. Подоконники заставлены цветами и это создавало проблему. Как бы там не было, лезть в окно бессмысленно.

Домик, в котором находился пансионат, стоял у самой воды, был выкрашен белым, с диагональными, типичными для Польши и Германии, досками во всю стену. Кирхи! Домик уютился в зелени, отражался в воде, и я невольно залюбовался им. Чудесно, наверно, жить в таком домике, выходить утром к реке, видеть своё отражение? Я подобрался к кромке воды. Ну и рожа! Бровь рассечена. Всё в крови. Бандитская харя, глаза вот только красивые, мне нравятся мои глаза. Возможно, в них когда-то отразилась моя мама?

Из домика вышла старуха и зашла за дом. Я отполз от воды, вжался в землю, затаился. Чем-то погромела старушка, вернулась обратно, хорошенько вытерла ноги о половик и зашла.

Майор появился так неожиданно и был в чистенькой

немецкой гестаповской форме, что я его чуть не застрелил. Майор молча сунул мне сумку с формой. «Мина не была снята с предохранителя и не могла сработать.» Вот тебе и немецкий порядок. Майору повезло, но всё это благодаря подорванному пулемёту. Чего он подмазывается с этим пулемётом?

Поганая форма на мне прекрасно сидела, майор даже усмехнулся и мотнул головой. Я не стал ничего спрашивать. Никто в пансионе не стал ничего спрашивать, когда мы вошли.

Тем, кто не спал, мы просто показывали жестом молчать, прикладывая палец к губам. Поднялся, конечно, шорох. Здесь было так много женщин, и везде стоял их запах. Я старался не смотреть, но всюду шеи, руки, пальцы. Я обожаю женские руки. «Фройляйн, Сауэр! Мне приказано немедленно доставить вас к вашему отцу, в случае сопротивления, мы будем вынуждены применить силу.» Она вскочила испуганная, мелко закивала. «Много вещей вам не понадобится.»

Майор мне говорит, всё иди ищи машину. Тут уже мне на встречу какая-то кастелянша идёт, я ей на чистом баварском, с таким воронежским прононсом, «Гутен морген, бите-шмидте, где у вас автомобиль, фрау»? У старухи понятно измена. Я ей говорю руки опустите, я же вам ничем не угро-

жаю. А сам забыл, что пистолет держу. Вот это дела! Быстро спрятал пушку. Пошли с ней в гараж.

И я посмотрел, как они живут. Красиво так всё, пристойно. Везде чистота. Девочки, наверное, здесь трудолюбивые. Зашли в гараж, я обомлел. Боже, а там такой драймлер бэнс, абалдеть можно, стыдно что сам не нашёл, на девок загляделся. Говорят, Вертинского по Москве на таком катали. И я запел из Вертинского, крутанулся на месте. Бабка в шоке.

Майор спиной как-то к выходу вижу пятится. А немка за ним. Майор выходит, оборачивается, у него пика из груди торчит, кровяца маленьким фонтаном выбивается. Дамский стиле такой блестит по глазам. Как я её в тот момент не пристрелил, сам не понимаю, она бросилась на меня с ножом. Глупо бы было после майора кончить на пике, я на автомате сместился, ушёл с линии атаки, и врезал ей, пониже затылка.

Она рухнула, как подкошенная. Я её в машину. Майора в машину. А он хрипит я не пойму чего? Надо валить, вязать немку. Вяжу её и слышу майора. «Ты помнишь, что я тебе сказал? Поживи за нас обоих! Поживи!»

Ну вот и едем. «А может ещё не смертельно майор, может как с миной?» Пробую шутить с ним. А он бледный как мел. Повезёт, говорю, опять, как с миной, он смеяться пробует,

а на губах кровавая пена. Мы полями, полями, подальше, подальше.

Я так мороженное хочу, говорит майор, и ещё так жалко, что всё сиденье кровью залил. Бредит что ли? Посмотри, говорит, какие сиденья тут красивые, как человек делал, как он старался. Точно бредит! Эх, была бы у меня такая машина. И снова про мороженное, я думаю лучше про мороженное чем про кровь и смотрю на немку. Ноги какие у суки красивые.

И тут пост. Офицер со мной взглядом встретился, видимо что-то такое там рассмотрел, что очень хорошо с формой моей в тот момент сочеталось, с лицом побитым и как зарёт своим, «шнель, шнель!» И пропускают. Я проезжаю поляну, небольшую рощу, и снова сворачиваю в густой просёлок. Здесь в тени торможу. Майор умер.

«Буду тебя по лицу бить, сломаю тебе нос фрау! Понятно выражаюсь?» Она напугана, совершенно растеряна и беспомощна. «Он умер!» Её трясёт, она смотрит на труп майора.

«Как ты его определила?» «Он смотрел на меня и не отворачивался. Я поняла, что он чужой. Он боялся повернуться спиной. Офицеры гестапо ничего не боятся.»

Она перестала трястись и просто сказала: «Ты русская

свинья!» «Ну, раз, так!» Кто её за язык тянул. Грохнула майора. Я сграбастал немку и прижал к себе. Вся она была такая маленькая и ладная. Она забилась, стала кусаться, царапаться, ни издавая ни звука. Я держал её крепко, и в любой момент, мог переломить её тонкие кости. Сдавил её крепче, и она практически перестала сопротивляться. Сорвал нахер трусы. На её лице отразилось безразличие и в этот момент я вошёл, чтобы тут же отвалиться. Пихнул её. «Свинья, так свинья!»

Необходимо было похоронить майора и спрятать машину. Я закурил и принялся копать. Майора было жаль, документов своих у него не было. Закопать надо так, чтобы не нашли. Неожиданно, я понял, что она бежит. У неё была значительная фора, но она была дичь.

Я настиг её в последний момент. Она задела растяжку, грохнуло на весь лес. Мы лежали какое-то время не двигаясь. Вроде она поняла, что я её спас, или произошло что-то опасное. Я сказал ей, что везде мины. Снова послышался собачий лай. Мы побежали.

Я тянул её к машине, лучше всего всегда убегать навстречу погоне. Это застаёт врасплох и даёт преимущества. В машину я её пихнул, пылая от ярости. Рванул из-под сиденья шмайсер, передёрнул затвор. «Фрау, простите! Не до-

водите до греха. Мне главное дотащить живую и я дотащу.» Я навёл автомат на её роскошные ноги. Она зажмурилась и закричала, я дал по газам. Сиди тихо сука!

Немцев было немного. Половина раздета. Они играли в волейбол в поле, и услышав взрыв направились к месту. Мне замахали. Я сходу предложил мордатому капитану рассказать последний анекдот, который ходит у нас в СС. «Что там грохнуло?» Заорал толстяк и попросил документы. Я пожал плечами и полез за документами, прикидывая шансы прорваться сейчас.

Если здесь десять стволов, и каждый даст очередь. Хлипкие шансы. Капитан не дождался документов, указал на кровь, под платьем немки, сделал страшный глаза, выдавил: «Упс!» И скрылся. «Что там грохнуло?» Спросил у меня молодой лейтенант. «Не я!» только и мог что выдавить я, и широко улыбнуться. Майор пока помогал мне.

Лейтенант добродушно помахал мне. Сейчас немцы найдут тело майора. Я свернул вдоль лесополосы, снова выехал к берегу реки и помчался уже знакомым маршрутом. Не доезжая моста нас должен подобрать катер и доставить почти к самой линии фронта...

Садился густой туман. Я заехал как можно дальше в ку-

курузное поле. Вытянул её и потащил к реке. Туман садился каплями на лицо и приятно охлаждал кожу. Катер был на месте. Туман берёт нас.

Нас укрыли вонючей холстиной и засыпали рыбой, мне казалось, я через всё это чувствую её запах, возможно пахли мои руки, я понюхал ладони. Нет. Но ей пахло, она была рядом.

Катер беззвучно шёл в тумане. Сон. В себя пришёл от звука пикировщика. Крайне неприятный звук. Его придумали для психологической атаки на противника. Психологической, ох. Грохает где-то совсем рядом, всего окатывает водой. Достаю её из ящика, и мы прыгаем в воду. Где мы сейчас, сколько проплыли на катере.

Нам всё время на Восток. Я тяну её дальше от реки, здесь не безопасно. Костёр разводим в глухой чаще. Она дрожит. Даю ей практически сухую свою рубашку. Печенье, тушёнку, что там ещё в рюкзаке у меня есть. Сижу, закурил. Ухает где-то сова, может сыч, ему вторит выпь. Так себе обстановка.

Наверное, ей страшно. Не стал спрашивать. А хотел. Хотя и так было понятно, ей страшно. Свернулась у костра калачиком.

Утром проснулся от того, что её нет. Чувствую, нет. Я встал, за бок схватился, всё затянуло. Бок красный, горит, заражение. Она ушла совсем недавно. Ещё тепло хранит её место. Вот сюда она пошла, вот он след, вот сюда. Я вертелся на месте и не мог понять. Бок тянуло, в глазах мутилось. Я взял след, и в этот момент услышал её крик.

Она кричала страшно, ещё страшнее кричал зверь. Я почувствовал под ногами воду. Болото надвигалось с каждым шагом. Света стало больше. Раз, и правая нога ушла по колёно. Вжих, тут же отправилась за ней левая! «Бите! Бите!» Совсем где-то рядом кричала она, и рычал люто зверь.

Когда я их увидел, медведь почти доставал её. Не знаю, как она смогла так далеко забраться. Она увидела меня, мою беспомощность и стала кричать ещё сильнее. Когти медведя впивались в болотную жижу в сантиметрах от её лица заливая её всю брызгами грязи. Медведь сам ушёл целиком в болото, но его это видимо совсем не беспокоило, точно он крепко стоял на дне. Бах, бах, били грязь лапы у её лица. Рёв зверя дыбил волосы на затылке. Не трогай, её, сука, она моя!

Её голова почти скрылась в болоте. Я выстрелил медведю в правый глаз, но попал в правое ухо. Зверь моментально затих. Она кричала, потом судорожно схватилась за медведя. Медведь не тонул. Пока я рубил берёзу, она целиком забра-

лась на медведя.

Вытянул её, потом сползал к медведю. Выбрался с куском мяса на сушу, я практически без сил. Она заметила мою слабость, помогла подняться, я оттолкнул её и тут же упал. Она снова подставила мне плечо, забрала мясо. Блуждали до сумерек. Я объяснял ей как мог, в какую сторону идти, она практически меня несла, да ещё тащила мясо.

Я чувствовал, что теряю силы, и ей со мной не справиться. Она уронила меня под сосну, сама распласталась рядом. Лежим, смотрим в небо. «Можешь бросить, меня!» Показываю ей на мясо, бросаю к ногам пистолет. «Иди отсюда! Дай спокойно подохнуть!» Она недоверчиво поднимается, берёт пистолет. «Шнель, шнель!» Поднимаю дрын и замахиваюсь на неё. Отшатывается, всё ещё недоверчиво смотрит. «Мясо заberi!» – ору! Отворачивается и бежит.

Ну и хер с ней, выберется. Жалко, думаю, мясо пропадёт, никогда не ел медвежатины...

Не понятно, когда она вернулась. Помню урывками, кто-то тащит. Допёрла ведь, сопля, вот же ёб твою мать. А меня всего трясёт, в глазах темнеет. «Где пистолет?» – рычу. А она меня раздевает, и что-то колдует над раной...

По диагонали через всю избушку развешаны вещи. Свет в слюдяное окошко. Она жарит мясо. Пытаюсь подняться, в бочине огонь. Она чувствует, приближается, зло смотрит. Так пахнет жареным мясом. «Ты что, жаришь мясо?» «Да, ты же убил того медведя.» Она подходит с кружкой густого бульона. «Ты гниёшь, пока только это!»

Пью густой бульон. Она с аппетитом ест жирные куски мяса...

Горит печка. Меня лихорадит. Она меняет повязку на боку. Немка раздевается в свете огня. Залезает под одеяло. «Я не дам тебе сдохнуть, русская свинья!» Она обнимает, прижимается вся, греет. Берёт в руки моё лицо. «Мне без тебя отсюда не выбраться!».

Проснулся, темно. Сколько я пролежал? Лежит, дышит рядом. Встал, качнуло в сторону, опёрся о стену, попустило. Крадучись, вышел на улицу. Эх, стою мочусь. Ухнул филин, Луна выглянула. Хорошо как! Что это внизу такое? Господи, курица эта немецкая клумбу разбила. Что она посадила? Или это не она? Бок не горит, чего она прикладывала не понятно. Швыряю нахер эти повязки. Зашёл. Чувствую не спит. И меня видит она сейчас, чувствую её взгляд. Иду прямо в темень. Вот её рука, её руки...

«Пять дней!» Она мне показывает, как и что лежало. Дом был оставлен недавно, те кто его оставил ушли ненадолго. Может они уже где-то здесь? «Где оружие?» И она снова пугается. «Я его спрятала на улице!» Я замахнулся на неё. «Дура?» И то, как изменилось её лицо, мне не понравилось. Она не испугалась. Вообще страх её исчез. Она обиделась.

Заныл бок. «Я не знаю, как по-немецки «извини»? «бите, эншультиген зи!» Смотрит. Насторожилась. Ждёт. «Бите, дритте, эншулиген зи.» И тут она первый раз улыбнулась. «Почему ты не знал такого простого слова?» Я думал она сейчас меня поцелует. Приблизилась. «Потому что я учил язык, чтобы воевать, а не извиняться!» «Дурак!» Рука сама дёрнулась на замах, я её сдержал. И тогда немка меня поцеловала. «Как тебя зовут?» «Николь.» «Андрей.» «Андрэй!» Смешно повторяет она и идёт на улицу. Я следом. «А что это за клумба?» «Лук. Я просто прополола.» Оборачивается и улыбается.

«А ночью был дождь!» «Ага!» Вспоминаю ночную вылазку. На хвое, на мхе, на коре, везде горят капли. Поэтому свет такой странный, точно само солнце тоже вымыл дождь. Мы оба босы. И она вся светится среди этого утреннего волшебства. «А куда ты меня ведёшь, Андрэй?» И зазвенела тишина. Сразу я вспомнил и кто и откуда, и куда я веду эту немку. Мы смотрели какое-то время в глаза друг другу. Хруст-

нула ветка. Сиплый от махорки голос рявкнул сбоку. «Хенде хох!»

Партизан четверо. В избе висит густой табачный дым. Самый большой, и видимо самый глупый не отводит с нас ствола. Самый старший, старик с седой бородой за столом. Справа от старика, судя по сходству, его сын. С такой же бородой, седины поменьше. Слева кудрявый, похожий на цыгана мужик. Он постоянно жадно смотрит на Николь. Старик с сыном сверяют номера кода. Для идентификации мы учили по 15 цифр одной из карт лото, до военного 40го года...

«78, 81.» «78, 81.» Повторяет за мной старик. «Да я сразу понял, что это они.» Сын подходит и крепко жмёт мне руку. Возвращается к старику. «Прохор!» «Андрей!» Здоровяк отводит автомат, шагает ко мне, тянет граблю: Гена! «А если бы я неправильно цифру назвал?» «Кокнули бы на месте!» Говорит Гена. И ржёт: а фрицку бы сначала чпокнули. Смеётся только Гена. «А чё это за грядка?» «Лук!» Отвечаю. Гена не реагирует. Гена вплотную подходит к Николь. Осматривает, точно лапает, того и гляди слюни пустит. «Ты же не возражаешь, капитан!» Это цыган.

Цыган резко срывается с места. «С катера больше никто не спасся. И всё из-за этой фашистской суки!» Цыган хватается напуганную Николь и тянет на улицу. «Спросились бы

хоть сначала?» Вступается старик. «Капитан не возражает!» Рычит цыган, и я его бью. Носком в колено. Ребром в кадык. Гена не успевает со своим автоматом. Ему по яйцам. Пистолет, что был у Гены за поясом, у меня. Да это мой. Навожу! Николь шарахается за мою спину. «Мужики, вы чего?» Бок снова затянуло. «Мы в этом проклятом лесу два года. Скоро друг дружку шпилить начнём! Сука, ты, капитан! Сука московская.» Рычит с полу цыган. Старик поднялся, сын замер рядом. «Сука, так, сука!» Стреляю цыгану в ногу. Мне так спокойней. Навожу на Гену. «Не надо, пожалуйста!» Плачет на полу Гена. «Флягу воды, старик, вот эти консервы.» Выходим с Николь.

Бежать нельзя. Показываю Николь растяжку. Обходим. А вот ещё. «Как ты меня протащила мимо всего этого?» Она так улыбается и вся какая-то отстранённая, точно не растяжки обходит, а лужи.

Лежим у костра. Послышалась знакомая канонада. «Что это?» Спросила она. Я вздохнул. Фронт был слышен, но ещё далёк. Место откуда я её забрал, находилось многим дальше. Она точно подслушала мои размышления. «А ты можешь не вести меня туда, куда ты меня ведёшь?» Не мог я её не вести. Не мог. Это моя земля горела сейчас под гусеницами танков её отца. Я обнял её. Даря миг мнимой безопасности. Неожиданно она рассмеялась. Видимо не так уж и помогали мои

объятия. Ей было страшно. «Я сейчас вспомнила твоё лицо, когда ты увидел нас с медведем...» Она снова засмеялась. «Оно сейчас снова было у тебя таким.» Снова засмеялась. «Я буду всегда помнить твоё лицо. Я поняла это, когда ты спал, а я на тебя смотрела.» «Дура!» Трясу головой. Она изо всех сил обнимает, прижимается. Звёзды такие яркие...

На линии пересечения тишину нарушают щелчки осветительных ракет. Сколько отсюда до нашей передовой? 200, 300? Патронов у меня не осталось. «Держись, как можно ближе меня!» Понимаю, отвечает глазами, и кивает куда-то мне за спину. В темноте кто-то ползёт в нашу сторону. Четверо. Точнее двое тянут одного. Третий прикрывает. Ползут немцы. Мы слышим их дыхание. Немцы тянут «языка». Николь отпускает мою руку. Они ползут, то и дело замирая, ползут целую вечность. Мне кажется, Николь сейчас уползёт с ними, но она только ближе пододвигается ко мне и снова находит мою руку.

У «языка» срывается кляп, и он орёт. «Мужики, это Серёга Фролов, бейте сюда, их тро...» И начался ад. Немецкие окопы шли совсем рядом. Оттуда грохнули сразу со всего. От нас подхватили. Вдарили тоже со всего. Кругом зарычало и засвистело железо. Стало светло и бело. И мы побежали сквозь этот огонь, и смерть. Может нас берегли ангелы? Без царапины. Я до наших окопов её руки не выпустил. Прыгнул

пря́м на пулеме́тчика, сбил его, подмял под себя и заорал...

После бани она расплакалась. Отвела душу. Что я только ей не говорил. «Не переживай, сейчас тебя быстро поменяют на одного из наших.» «Ты почти у отца, он тут совсем рядом.» «Не бойся, уже всё закончилось!» «Прости меня!» Она говорит: «Я в какой-то момент поверила, что мы всегда будем вместе. Я не хочу к отцу, ему кроме орденов ничего не надо...» Я молчал. Она плакала.

К генералу я буквально влетел. Так приятно было его обнять, вообще увидеть родное лицо. А рядом ещё генерал. Командующий. Вот это да! Я весь вытянулся, кость к черепу приложил. «Товарищ генерал-полковник, разрешите...» «Отставить!» – грохнул командующий. Ну и голосина. Просто лев. «Дай-ка!» Командующий маленький, цепкий как краб, сгребает меня в охапку так крепко, что бок даёт о себе знать. Охаю. «Что? Ранен? Да ты везун, Андрюха!» «Знаешь, пока ты там по тылам противника с генеральской дочкой гулял, тут новый приказ по гвардейскому стакану вышел?» «Стакану?» «Так точно! Стакану!» Смеётся командующий и мой генерал подхватывает. «Стакан всегда полон с горкой!» Командующий наливает стакан коньяка. Сверху кладёт кусок чёрного хлеба. Пером лука зачерпывает чёрной икры и кладёт на хлеб. «Полон и с горкой!» Пью...

Не так и хорошо пить с генералами. Говорит командующий. «Я героев, больше всего в этой жизни люблю. Вот смотрю на тебя! Были бы у нас все такими, Андрюха! Мы бы немцу за месяц очко разорвали. Дай обниму!» «Где ты его нашёл, Костя? Где откопал?» «Да это ведь он меня тогда вытащил...» Начинает мой генерал, но командующий орёт: «Отдай! Отдай в адъютанты!!! Хватит с него, повоевал!» «Да я чего.» Это мой генерал. «К герою представляю!» Гремит командующий. «Чтобы все сука видели, вот такой он герой!» «Да нахер ждать этих штабных крыс, я тебе сейчас свою вкручу.» «Товарищ генерал-полковник...» Это мы хором. «Молчать!» Командующий снимает китель, явно собираясь скрутить звезду героя. «Майор!» Гремит командующий. Сразу распахивается дверь. На пороге страшный, одноглазый и бородатый майор. Кавказец. «Хасанов, пригласи-ка сюда эту фрау?»

«Видали?» Командующий мажет себе бутерброд. «Эльбрус. Мой адъютант. Мне с этой рожей на парад в Кремль? Мы все скоро там соберёмся. На параде. В Кремле! Я его всё равно у тебя заберу, Костя!» А мне так не хочется, чтобы сюда вели Николь. Я знаю, что она в соседнем блиндаже. Я представляю как этот Эльбрус будет пялиться на неё, вдыхать её запах. Я напрягся. Услышал, как у двери остановились. Невольно отвернулся от генералов к двери. Вошёл горец, за ним Николь.

«Хасанов, в госпиталь ложись. Не знаю, придумай что хочешь? Мандавошек поймай... А хочешь на передок отпущу? За орденами?» Майор гордо кивает. «Пулей в штаб! Ящик коньяку!» Горец исчезает. «А ты...» Это мне значит. «...давай ей гвардейский без горки... а сладка немчатинка, сладка, Андрюха?» Хреновый я актёр. И командующий чувствует яд моего взгляда, но разве его ярость меньше моей? Хотя чего там гадать. Мы все здесь одинаковые. «Проверим, капитан...» «товарищ генерал-полковник...» Командующий сам тянет стакан Николь. Генерал видит моё напряжение и делает мне «страшные глаза», мол: расслабься, ты чего, это отец наш родной, командующий...» Мой генерал, которого я вытасил, орден за которого получил. «Стой!» Кричит мне мой генерал одними глазами.

А я чувствую, как слетают тормоза. Как дыбятся мурашками кожа. Чувствую, не могу смотреть на этого краба-командующего. На его багровые плечи, белые, оскаленные зубы. Командующий заводит патефон. Вертинский поёт о своей любви. О том, что нет ничего кроме любви в этом мире... Николь уже держит стакан. Командующий притягивает её одной рукой, прижимает к себе. Второй помогает Николь лить в себя водку. Она кашляет. Давится. Тогда командующий хватается её волосы, запрокидывает голову, рычит своим рёвом: «до дна, сука!»

Я стреляю в правый глаз командующего и попадаю в правый глаз. Он кулем валится, опрокидывая всё со стола. Тут же раздаётся другой выстрел. Падает Николь. Генерал подходит, берёт мой пистолет, нагибается, вкладывает в руку Николь. «Ну не в тебя же стрелять!» Я почему-то вспоминаю в этот момент как она сидела и ела мясо. «Ты же убил этого медведя.» Сказала она тогда. Генерал протягивает мне стакан. «Хорошо мы повоевали, Андрюха...»

От штрафбата я не открестился, бывшие заслуги не помогли. Штрафбат не разведка. Здесь другой контингент и надо кровь пролить, чтобы опять в разведку. Пахнет землёй. Рядом со мной пацан какой-то, зелёный совсем, трясётся. Ракета шас, ракету ждём. И вот она пошла! Алая в ночи взмыла в небо ракета и загремело всё, полетело во все стороны железо. А мы пошли. Вперёд! За орденами.